

ее правах говорит буквально в одной фразе: «Самое совершенное в том блаженстве, которое благодаря разуму мы считаем возможным в этой жизни, близко к блаженству, которого мы ожидаем верою в будущей жизни». Заметим, что далее он уточняет этот принцип: «est ens primum secundum philosophos, et secundum sanctos Deus benedictus»**. В этой работе все же говорится о возможности будущей жизни: ее автор не отрицает бессмертия души, и что бы, возможно, ни говорил Боэций в других, неизвестных нам сочинениях, здесь он ни словом не обмолвился о единстве действующего интеллекта. Конечно, писать об этом в «De summo bono» было неуместно. Но возникает вопрос: могли христианин, рассуждая как философ и от имени одного только разума (per rationem), утверждать, что высшее благо, достижимое человеком (summum sibi), к тому же в этой жизни, состоит в том, чтобы делать добро и познавать истину: «quod cognitio veri et operatio boni et delectatio in utroque sit beatitudo humana»***. Если абстрагироваться от всякой религиозной веры — а это как раз тот самый случай, — то нельзя не увидеть, каков будет лучший ответ философа на этот вопрос. Но подлинная трудность не в этом. Она, скорее, связана с самой тональностью, в которой рассматривается указанная тема в данном трактате. Восхваляемое в нем страстное желание разума направлено исключительно на идеи, оно чувствуется в самом стиле трактата, где угадывается та тихая радость, которую Спиноза, по-видимому, перенял от Аверроэса и которая, быть может, есть лишь мерцание интеллекта в своем собственном свете. Боэций Дакийский не просто абстрагируется от хри-

Глава VIII. Философия в XIII веке

430

стианской веры — он не чувствует себя несчастным вдали от нее. Но кто мы такие, чтобы проникать в тайники души? Возможно, трактат «De summo bono» был лишь чем-то вроде «Сада на Оранте»*, куда, как и многие другие христиане XIII века, Боэций по неосмотрительности опоздал.

ЛИТЕРАТУРА

Даниэл из Морли: Sudhoff K. Daniels von Morley Liber de naturis inferiorum et superiorum // Archiv fur Geschichte der Naturwissenschaften und der Technik, 1917, Bd. 8, S. 1—40; Hastens Ch. H. Studies in the History of Mediaeval Science. Cambridge (USA), 1924; MullerM. Die Stellung des David von Morley in der Wissenschaft des Mittelalters // Philosophisches Jahrbuch. 1928, Bd. 41, S. 301—337; HolmyardE. J., Mandeville D. G. Avicennae de congelatione et conglutinatione lapidum being a Section of the Kitab-al-Schifa. The Latin and Arabic texts edited with an English Translation of the latter and with Critical Notes. P., 1927.

Альфред из Сарешела: Baeumker Cl. Die Stellung des Alfred von Sareshel (Alfredus Anglicus) und seiner Schrift De motu cordis in der Wissenschaft des beginnenden XIII. Jahrhunderts // Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Munchen, 1913; idem. Des Alfred von Sareshel (Alfredus Anglicus) Schrift De motu cordis, zum ersten Male vollstandig herausgegeben und mit kritischen und erklärenden Anmerkungen versehen. Mtinster, 1923; Pelzer A. Une source inconnue de Roger Bacon. Alfred de Sareshel commentateur des Meteorologiques d'Aristote // Archivum Fran-ciscanum Historicum, 1919, v. 12, p. 44—67; Lacombe G. Alfredus Anglicus in Methæora // Aus der Geisteswelt des Mittelalters. Munster, 1935, S. 463—471.